

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО МИФА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ КАЗАХСТАНА

Алтыбаева С.М.¹

¹доктор филологических наук, доцент, кафедры
теоретического и прикладного языковедения,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан
e-mail: asm2007@mail.ru

Аннотация. Катастрофическая реальность современности вызывает появление неоднозначных художественных повествований, синтезирующих миф, исторический и культурный дискурс и научную фантастику. Целью статьи является рассмотрение различных нарративных ситуаций моделирования и кодирования эсхатологического мифа в тесной связи с экологическим, национально-историческим, культурным содержанием и научной фантастикой.

Ключевые слова: эсхатологический миф, нарратив, фантастика, казахская проза.

Катастрофическая реальность новейшего времени становится причиной появления неоднозначных художественных нарративов, синтезирующих миф, историко-культурный дискурс и научную фантастику. Какая эстетика доминирует, а что становится фоном для повествования? Эти в определенном смысле провокационные вопросы возникают при рассмотрении экспериментальных работ современных казахских писателей-интеллектуалов. Миф, фольклор, научная фантастика, национальная и мировая история и культура – это важные компоненты художественного мира современной прозы Казахстана.

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых нарративных ситуаций моделирования и кодирования эсхатологического мифа в тесной привязке к национальному историко-культурному контенту, научному метанарративу (преимущественно – экология, статистика) и собственно научной фантастике. В рассматриваемых текстах мы стремились идентифицировать исходный эсхатологический миф в трех исследовательских модулях: семантика, структура и функция в тексте.

Важной особенностью реконструирования исходного мифа о конце света является широкое включение прецедентных концептов из священных книг разных конфессий. Это происходит через цитацию, трансформацию или замену сакрального значения мифа профанным.

Библейская цитата «И был день, и была ночь» выносится в название двух частей романа-реквиема «Последний долг» [1] (русский вариант книги; в оригинале *Соңғы парыз*) Абижамила Нурпеисова. Перед нами картина постепенного обмеления Аральского моря вследствие квазинаучных экспериментов по изменению русла рек, впадающих в море, отвода вод на орошение рисовых полей. Как следствие, происходят необратимые процессы

деградации флоры, фауны всего региона и сопредельных территорий. Экологическая катастрофа Аральского моря находится в центре повествования данной книги. Все персонажи, сюжетные линии притягиваются к данному нарративному ядру. Масштабная экологическая катастрофа становится «концом света» для главных героев романа, в итоге погибающих во время шторма в открытом море.

Идея наступления конца света разрабатывается в тексте за счет разработки авторской мифологемы *Кок-огуз – Сивого быка*. Этот образ – емкая метафора приближающегося конца света, смерти моря и главного героя рыбака Жадидера. Аллегория конца света через мифообраз чудовищно огромного быка, поглощающего до дна Аральское море, дана в романе в динамике. Кок-огуз проявляется в тяжелых снах героя. С каждым разом он становится мощнее, свирепее, неукротимее. Он неукротим как сам рок, судьба.

Здесь миф о конце света выступает концептуально важным, но преимущественно фоновым элементом поэтики романа-реквиема. Основные функции исходного эсхатологического мифа, трансформированного в соответствии с национальной и региональной спецификой: символично-идеологическая, или идеенесущая; собственно метафизическая.

Нужно отметить, что в книге присутствует понимание экологической катастрофы как глобального явления, корни которого находятся в утрате человечеством нравственных, этических координат, забвении прошлого, бездумной погоне за кратковременным экономическим эффектом. Жесткой критике подвергаются те ученые, которые не задумываются о последствиях их насильственных экспериментов с природой. Миф о конце света представляется здесь пророческим предупреждением Абдижамила Нурпеисова – патриарха казахской литературы.

В структуре текста авторский мифозоним *Сивый бык* выполняет художественную функцию символа-аллегии грядущего конца света. Этот мифический образ наравне с другими, коннотированными положительно, как символ надежды на возрождение, мифообразами *Мать-Белорыбица*, *Серый Ярый* и маленькая *Белая рыбка*, формирует символично-аллегорический план повествования. Эсхатологическая проблематика подтверждается также в романе последовательным развитием мотива покинутой земли. Умирающее из-за неверных государственных решений море становится причиной того, что люди покинули землю отцов. Безлюдный солончак, чудовище Кок-огуз, внезапные песчаные бури, которые закрывают солнце, становятся символами надвигающегося конца света.

Эстетика эсхатологического мифа-реликта реализуется в романе «Последний долг» преимущественно в контексте философско-нравственной проблематики. Приводится конкретная статистика значительного уменьшения водного объема Аральского моря, что также расширяет метанарративные границы повествования. В частности, представлены данные о последствиях негативного эксперимента: появляются песчаные бури, расширяется солончак, уменьшается запас питьевой воды, изменяется флора и фауна всего региона.

Другой подход к художественному освоению эсхатологического мифа представлен в постмодернистской тетралогии: «Сны окаянных» [2], «Дом суриката» [3] Аслана Жаксылыкова. Научная фантастика в данном произведении играет роль основного повествовательного ресурса для разработки мифа о конце света. В центре повествования - судьба нескольких ребят - инвалидов – жертв ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Все события помещены конкретный социально-исторический контекст.

Небольшая историческая справка. Семипалатинский испытательный полигон был первым советским полигоном по испытанию ядерного и термоядерного оружия. Просуществовал 51 год, было произведено свыше 400 подземных и наземных взрывов. При этом долгое время замалчивались факты высокой ранней смертности местных жителей, рождения многих детей с генными мутациями. Фактически казахский народ стал заложником известной ядерной программы бывшего Советского Союза. И только в 1991 году первым, после обретения суверенитета, указом Президента страны Нурсултаном Назарбаевым полигон был закрыт. Этому способствовало антиядерное движение «Невада - Семипалатинск», которое возглавил известный казахский поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов. Казахстан одним из первых в мире отказался от ядерного оружия и подписал Договор о нераспространении ядерного оружия.

В трилогии «Сны окаянных» т.н. «бытийная» детализация – закрытие полигона, вывоз ядерного оружия, спешный отъезд специалистов, описание заброшенных стальных и железобетонных зданий, железнодорожных путей, подземных шахт, полное запустение огромной территории ядерного полигона - переданы через восприятие нескольких детей с генными изменениями и единственного взрослого – старого Мугалима (Учителя), о которых в спешке просто забыли. Свойственная для постмодернизма подробная «инвентаризация» пространства, вещной атрибутики также несет дополнительную нагрузку визуального воссоздания пространства *вне-бытия*.

После исхода зловещего ядерного чудовища – аллегии Конца света – время на покинутой территории словно остановилось. Автор вводит фантастические образы сниженной семантики – крыс-мутантов, обладающих высокоразвитым интеллектом, диких кабанов, полулюдей-полузверей. В текст вводятся устрашающие мистические образы волков, волкопсов, тигров, камышовых котов, лис, ставших повелителями степного мира. Через разворачивание картины расширяющегося, не поддающегося контролю природного хаоса, оргий зверья всех «мастей» (от мелких грызунов до туранских тигров и диких кабанов) нагнетается атмосфера парализующего животного страха, воцарившегося в сердцах и умах людей.

Классический миф о конце свете трансформируется в романе в мир рукотворного Хаоса, маркированного узнаваемыми региональными (ландшафтно-географические, метеорологические признаки Восточного Казахстана), национальными, культурными, историческими деталями. И в то же время в роман органично включено описание запахов степного ветра, весеннего цветения степи, голубой дымки над горами, необъятные просторы

родины, наконец-то освободившейся от ядерного зверя, пожиравшего все живое вокруг.

Печальная история рождения, жизни до и после закрытия полигона каждого героя - ребенка встраивается в общий нарратив романа. Внутренние монологи героев, их личные дневниковые записи, беседы со старым учителем, их быстрое взросление создают значительный мета-нарративный план. Несмотря на зримые физические особенности этих детей – невольных жертв современного Минотавра в романе раскрываются их внутренняя чистота, наивность, доброта друг к другу, любовь к родному краю, искреннее почтение к Мугалиму. Ситуация неумолимого рока подчеркивает функциональную заданность этих образов: их инаковость – это и избранность судьбой творить свое настоящее после катастрофы. Просматривается определенная, хотя и трансформированная, аллюзия на библейский Вселенский Потоп и то, что произошло после него.

В объемном романе «Дом суриката» моделируется известная ситуация разрушения мира после мировой ядерной катастрофы. Эсхатологический миф реализуется в конкретике научно-фантастического сценария последствий *уже* разразившейся ядерной войны. Быто- и жизнеописание человека – суриката, как и всех других жителей мегаполиса, раскрывает концепцию конца привычного мира, мира вечных ценностей – любви, красоты, гармонии.

Конец привычного миропорядка становится знаком появления мира пустоты и тотального одиночества, замершего времени и пространства. Город в оптическом пространстве безымянного нарратора (человека-суриката) трансформируется в экзистенциальную эпистему инопространства, враждебную человеку и всему живому.

Вся книга построена по принципу «потока сознания» главного героя. Все события даются в ретроспективном плане. Эстетика пространства города намеренно разворачивается в преимущественно серых тонах. Ранее, до катастрофы, никогда не спавший город словно впадает в анабиоз, появляется тотальное исчезновение у его жителей чувства времени, культурной памяти, памяти рода. В итоге город превращается в бетонные джунгли, где прав тот, кто физически сильнее.

Особое место занимает книга «Век Страшного суда. Книга для сомневающихся» [4] Смагула Елубая. В ней даются объемные прямые цитаты из прецедентных книг разных религий – Библии, Корана, Торы, Вед. Книга построена как обширное философско-эстетическое эссе на тему Страшного суда. Концепт *Судный день* – в христианстве, в исламе – *Последний день* – расширен до авторского концепта *Век Страшного суда*. Автор проводит сравнительный анализ священных текстов, в каждом из которых этот концепт – один из базовых.

Научно-технический прогресс, автоматизация процессов, стремительно развивающиеся информационные потоки привели к тому, что создание Бога - человек и его бессмертная душа – становится жертвой самого себя. Феноменальный парадокс – планомерное уничтожение планеты и человека как вида – детерминируется современным обвальным сознанием. Писатель

пишет: «Безбожная наука ведет человека к катастрофе». Он вводит в повествование этнокультурную идиому: «Обреченный на смерть бежит к могиле» [4, с. 423]. Автор заявляет: «В последние века наука развивается в отрыве от религии» [там же]. В книге исследуется известный тезис о «смерти Бога» и отсюда – *высокомерие* материалистической науки. Автор называет это *высокомерие* болезнью, ведущей человечество к Последнему дню. Он выводит тип человека-хищника, живущего по законам джунглей, обреченного на самоуничтожение. Однако книга завершается исконной заповедью: «Любовь спасет мир. Любовь – это мир».

Выводы. В современной казахской прозе эсхатологический миф и его этнокультурный вариант - *Ақыр заман* являются одними из ее наиболее популярных мотивов. Время стремительных перемен, глобализации на всех уровнях, усиление информационных потоков ведет к утрате, по мысли Перри Андерсона, «чувства исторической памяти» [5].

В рассмотренных романах мотив конца света связан с потерей чувства исторической ответственности, памяти, в итоге - нравственных ориентиров. Другими словами, эсхатологическая проблематика переводится в морально-этическую плоскость, но без скучной дидактики. Научная фантастика, встроенная в нарративное пространство романа через множество узнаваемых деталей ядерной, экологической катастрофы, значительно трансформирует миф-основу. Она наполняет его конкретикой современного мира. В то же время универсальность мифологемы *конца света* отражается в возможной проекции на возрождение, смены хаоса гармонией, как показано в книге С.Елубая, романе «Сны окаянных» А. Жаксылыкова.

Другой ракурс проблемы художественной реализации эсхатологического мифа связана с проблематикой неотвратимости рока. Фатум для каждого героя предопределен самой логикой развития сюжета.

Эсхатологическая проблематика актуализирует также на местном региональном материале известный мотив бесовщины, глубоко исследованный великим русским писателем Федором Достоевским. В этом отношении этот мотив реализуется в фантастических реалиях современного бытия, где наука ведет к концу света, а не к его прогрессу, как детально рассмотрено и показано в книге «Последний долг» Абдижамила Нурпеисова.

И все же в каждой из книг присутствует четкая интенция на отражение возможной позитивной перспективы развития человеческой цивилизации, разворот современной катастрофической действительности в действительность гармонии и порядка. Это осознание человеком и человечеством необходимости кардинального изменения парадигмы мышления: с узкого, регионального, потребительского отношения к природе, законам естествознания, физики на более широкое чувство планетарной ответственности, сохранения национального кода, традиции в самом широком понимании. В противном случае гипотетическая идея надвигающейся всемирной катастрофы из метафоры станет осязаемой реальностью современного мира.

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования КН МОН РК научного проекта AP09259694 «Современное литературоведение и когнитивная парадигма».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Нурпеисов А. Последний долг. Роман в двух книгах. - М.: ПАРАД, 2006. - 480 с.
[2] Жаксылыков А. Сны окаянных. Трилогия. - Алматы: ТОО «Алматинский издательский дом», 2005. - 526 с.
[3] Жаксылыков А. Дом суриката. Четвертая книга романного цикла «Сны окаянных». - Алмат: Ценные бумаги, 2008. - 434 с.
[4] Елубай С. Век Страшного суда. Книга для сомневающихся. - Алматы: Мереке, 2012. - 472 с.
[5] Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. - 208 с.

REFERENCES

- [1] Nurpeisov A. Poslednij dolg. Roman v dvuh knigah. (The last duty. A novel in two books) - M.: PARAD "Publ.", 2006. - 480 p. [In Rus.]
[2] Zhaksylykov A. Sny okajannyh. Trilogija (Dreams of the damned. Trilogy) - Almaty: TOO «Almatinskij izdatel'skij dom» "Publ.", 2005. - 526 p. [In Rus.]
[3] Zhaksylykov A. Dom surikata. Chetvertaja kniga romannogo cikla «Sny okajannyh». (House of the meerkat. The fourth book of the novel series "Dreams of the Damned"). - Almaty: Cennye bumagi "Publ.", 2008. - 434 p. [In Rus.]
[4] Elubaj S. Vek Strashnogo suda. Kniga dlja somnevajushhihsja. (The Age of the Last Judgment. A book for doubters) - Almaty: MEREKE "Publ.", 2012. - 472 p. [In Rus.]
[5] Anderson P. Istoki postmoderna. Per. s angl. (The origins of postmodernity. From English) - M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego» "Publ.", 2011. - 208 p. [In Rus.]

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЗАМАНАУИ ПРОЗАСЫНДА ЭСХАТОЛОГИЯЛЫҚ МИФ РЕФЛЕКСИЯСЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІГІ

Алтыбаева С.М.¹

¹ф.ғ.д., доцент, теориялық және қолданбалы тіл білімі кафедрасы,
Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан
e-mail: asm2007@mail.ru

Аңдатпа. Замануи заманның апатты шындығы мифтерді, тарихи-мәдени дискурсты және ғылыми фантастиканы синтездейтін екіұшты фантастикалық әңгімелердің пайда болуына себепші болып отыр. Мақаланың мақсаты - эсхатологиялық мифті модельдеу мен кодтаудың әртүрлі баяндау жағдайларын экологиялық, ұлттық-тарихи, мәдени мазмұнмен және ғылыми фантастикамен тығыз байланыста қарастыру.

Тірек сөздер: эсхатологиялық миф, баяндау, фантастика, қазақ әдебиеті.

SPECIFICITY OF THE REFLECTION OF THE ESCHATOLOGICAL MYTH IN KAZAKHSTANI MODERN PROSE

Altybaeva S.M.¹,

¹doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages

Almaty, Kazakhstan
e-mail: asm2007@mail.ru

Abstract. The catastrophic reality of modern times is causing the emergence of ambiguous artistic narratives that synthesize myth, historical and cultural discourse, and science fiction. The purpose of the study is to consider various narrative situations of modeling and coding the eschatological myth in close connection with the ecological, national historical, cultural content, and science fiction.

Key words: eschatological myth, narrative, science fiction, kazakh prose.

Статья поступила 03.04.21